

ПРЕДИСЛОВИЕ

На солнечной террасе моего дома в Сент-Луисе в американском штате Миссури летом 1982 года я начал писать мою первую книгу. За 39 долларов в соседнем супермаркете я купил механическую печатную машинку и начал в привычной манере — двумя пальцами — переносить на бумагу свои воспоминания о пережитом в ГДР. Речь шла о моем переходе в ФРГ в 1979 году и моей работе для Федеральной разведывательной службы в качестве агента в восточногерманском Министерстве государственной безопасности. Но так как БНД была очень озабочена тем, чтобы из моих мемуаров противник не мог сделать никаких выводов о методах ее работы, мою рукопись пришлось существенно переделать и в некоторых местах умышленно «напустить туману». В результате в 1986 году вышла книга «В центре шпионажа», наделавшая много шума и выдержавшая несколько переизданий.

Сегодня, более тридцати лет спустя после этих драматических событий и через двадцать лет после окончания Холодной войны эти старые меры предосторожности потеряли свою актуальность. Я живу в Будапеште, работаю самостоятельным предпринимателем и могу назвать вещи своими именами, как я сам хочу. И, прежде всего, я могу теперь рассказать о том, о чем прежде говорить было невозможно: о том, что я пережил во время моего сотрудничества с другой стороной: с БНД, а позднее с ЦРУ, которое сделало для меня новые личные данные, ибо Штази охотилась за мной по всей Европе. Эрих Мильке привел в действие весь свой гигантский аппарат, чтобы обнаружить предателя и по возможности вернуть в ГДР, где меня, скорее всего, ожидал бы смертный приговор. Даже в 1981 году один мой коллега (Вернер Теске) был расстрелян за куда меньшие грехи.

Если в Сент-Луисе мне все пришлось писать по памяти, так как мюнхенские коллеги из БНД не дали мне даже взглянуть на вывезенные мною же на Запад из ГДР досье и документы, не го-

вора уже об информации о подоплеке их собственных действий, то в нынешнее время все оказалось намного лучше. Благодаря архивам немецкого Федерального уполномоченного по вопросам документации службы государственной безопасности бывшей ГДР, а также расследованиям сотрудников Музея Штази в Берлине мне удалось получить доступ к примерно 1800 страницам документов, которые основательно подтверждают значительную часть моей карьеры разведчика и двойного агента.

Из этих досье мне стали очевидны две вещи. Контрразведка МГБ шла буквально за мной по пятам. Если бы 18 января 1979 года мне не удалось через вокзал Фридрихштрассе сбежать в Западный Берлин, меня бы арестовали не позднее 20 января. Тогда я совсем не осознавал степени опасности.

И другой ставший мне очевидным момент: мой побег в истории МГБ стал своего рода рубежом. Как рассказывал мне позже один бывший коллега из Главного управления разведки, то есть, моего прежнего места службы, товарищи там постоянно говорили о добрых старых временах (до Штиллера) и нервном новом времени (после Штиллера). Во всем аппарате поселился дух глубокой озабоченности: никто не знал, кому теперь можно доверять. Ведь моя карьера была образцовым примером, как из книги: выходец из рабочей семьи из Саксонии — Анхальт, выросший при социализме, средняя школа, изучение физики, член Социалистической единой партии Германии, сначала неофициальный сотрудник (агент) госбезопасности, потом кадровый «чекист», хорошие оценки, перспективный кадр, секретарь партиячки СЕПГ. И если такой проверенный товарищ ни с того, ни с сего предлагает свои услуги классовому врагу и прихватывает с собой на Запад столько материала, что позволяет разоблачить десятки агентов за рубежом, тогда неожиданно возникает вопрос: кто может оказаться следующим? И за первым вопросом мгновенно следуют другие: в чем причина? Можно ли как-то предвидеть такие события? Есть ли соучастники или возможные последователи? Микроб взаимного подозрения и постоянной слежки распространился по всему аппарату, и

этот аппарат в последующее время был в большой степени занят самим собой.

В этой книге мне сначала хотелось бы рассказать о моем беге и его мотивах, отобразив параллельно преследование меня и моей тогдашней помощницы, организованное госбезопасностью. При этом читателю станет понятней суть функционирования МГБ, его гигантские, почти безграничные усилия при поиске врагов и предателей. (Одновременно будут исправлены некоторые ошибки и неточности из прежних публикаций.) За этим последует описание охоты за «Шакалом» или «Пиратом», как меня тогда называли, и моей соратницы «Борсте» («Щетины»). Я расскажу о своем сотрудничестве с Федеральной разведывательной службой, о времени, проведенном в Мюнхене и об озабоченности БНД тем, что меня там могут найти и похитить. Наконец, меня отправили в Америку на три месяца, превратившиеся затем в три года. При этом у меня была возможность немного познакомиться с деятельностью ЦРУ, которая показалась мне значительно более профессиональной во многих аспектах в сравнении со слишком осторожными действиями пуллахских чиновников.

После жизни в трех разведках последовал еще один период, оказавшийся столь же напряженным и интересным: моя деятельность в качестве банкира и инвестора. Я одно время работал для двух крупных банков, которые между тем из-за их авантюрных финансовых спекуляций попали в серьезные передрыги: «Голдман Сакс» и «Леман Бразерс». Я заработал миллионы — и потерял тоже миллионы. Мне не стоит объяснять, откуда взялся глобальный финансовый кризис. Я заранее предвидел его и сделал соответствующие выводы.

Вкратце, я расскажу здесь о динамичной жизни, в которую неоднократно влетались пересекающиеся линии исторической судьбы.

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ

Все начиналась классическим образом, как и у большинства молодых людей в ГДР. После поступления в школу в Вессмаре, район Мерзебург, в 1954 году, я стал активным пионером, а в начале шестидесятых годов еще и бойким членом Союза свободной немецкой молодежи. После ужасной войны, последствия которой еще повсюду были заметны в виде развалин и наполовину взорванных бомбоубежищ, и после преступлений фашистов, о которых много говорили в школе, не только наши родители, учителя и соседи искренне верили, что пришло время построить новый и более справедливый мир. ГДР многими рассматривалась как путь к лучшему будущему.

С другой стороны я уже очень рано распознал в себе четко выраженную коммерческую жилку, которая время от времени приводила к небольшим конфликтам. Я постоянно занимался какими-то обменами или перепродажами, что в школе, конечно, не одобрялось. Сначала это был обмен «товар на товар» — до самого конца существования ГДР такие «бартерные сделки» широко использовались и самим государством, а потом и разнообразные сделки «товар — деньги — товар». Хорошей добычей, к примеру, был денежный залог за пустые пивные бутылки, которые можно было собрать после обязательных первомайских демонстраций и последующих дружеских попок трудящихся на так называемых «народных гуляниях». За сданную бутылку платили 30 пфеннигов, плановой экономике пустая тара требовалась немедленно, чтобы снова запустить ее в экономический оборот. Мой друг Йоахим и я спрашивали лежащих на майской траве людей, не оставят ли они нам пустые бутылки от алкоголя, и обычно слышали в ответ неразборчивое бормотание, что мы трактовали как согласие. Если бы это зависело от меня, то «День солидарности трудящихся» праздновался бы хоть каждую неделю.

В нашем районном центре Мерзебурге к западу от Лейпцига дислоцировался авиаполк непобедимой и легендарной Советской армии. А в соседнем городке Лойне, где, кстати, находился гигантский комплекс химической промышленности «Вальтер Ульбрихт», самое большое промышленное предприятие ГДР с 30 тысячами рабочих, рядом с домом, где мы тогда жили, располагалась довольно известная пекарня с паровым обогревом. Тогда каждое утро, как раз ко времени, когда я отправлялся в школу, приезжал грузовик «ГАЗ» защитного цвета. Два советских солдата выносили корзины со свежесдобитым хлебом и грузили их на платформу грузовика под брезентом. Я как можно чаще старался оказаться там к этому моменту и начинал свою раннюю торговлю. За две бутылки пива по 48 пфеннигов плюс 30 пфеннигов залога (для детишек в ГДР не представляло трудности купить в магазине пару бутылочек пива для папы) я получал взамен пригоршню «мишек», этих вкусных наполненных похжей на шоколад смесью вафель, завернутых в блестящую синюю бумажку с изображенным на ней медведем («мишкой»). Каждый «мишка» был настоящим сокровищем, ведь мои одноклассники с удовольствием отдавали за штуку 20 пфеннигов из своих карманных денег. Каждая такая сделка приносила прибыль как минимум в 100 %. (Наверное, именно тут крылись корни моего будущего разочарования в «марксистском» централизованном плановом хозяйстве.) Когда я подрос, место «мишек» в обмене на пиво заняли пачки сигарет марки «Прибой». В каждой пачке было по 25 сигарет с настоящим табаком, а не с махоркой, которую курили обычные солдаты. (Эту смесь крепкого крестьянского табака с соломой и опилками не без причины называли «сталинской сечкой».) Моими торговыми партнерами, впрочем, были не обычные солдаты, которым не разрешалось покидать казармы в одиночку, а старшины и сержанты, а также повара, которым всегда удавалось чем-то поживиться в казарме. Из осторожности я никогда не продавал сигареты на школьном дворе, я передавал их моему шурину и другим заинтересованным взрослым, готовым хорошо запла-

тить за эти крепкие сигареты. Моя выгода уже всегда значительно превышала 100 %.

Но можно было заработать еще больше. В ГДР был ежемесячный журнал под названием «Магацин», в котором кроме развлекательного чтения каждый номер печаталась как минимум одна фотография обнаженных девушек. Нет, ничего непристойного, просто голые женщины. Но я прекрасно понимал сексуальный голод живших по — монашески в казармах советских солдат, ведь не зря они меня частенько спрашивали: «Сестра трах? Трах?» Потому как только мой шурин откладывал прочитанный журнал в сторону, я аккуратно вырезал листок с изображением в стиле «ню» и предлагал его по самой высокой цене. Один солдат даже снял свои часы с руки ради этой картинки.

Мои экономические отношения с Советской властью развивались великолепно и продолжались даже некоторое время после окончания школы. С 1966 года я изучал физику в университете в Лейпциге. 30 километров от дома до университета я проезжал на мотороллере, которому требовалось около четырех литров бензина на 100 км. Литр бензина стоил в ГДР 1,50 марки. Маленькую карманную бутылку водки можно было купить за 3,50 марки. Как только мои советские друзья замечали у меня такую бутылочку, они тут же вытаскивали небольшой шланг и вставляли один его конец в бак своего грузовика (военные автомобили того времени работали в основном еще на бензине, а не на дизельном топливе). А другой конец — после того, как я отсасывал немного бензина ртом — попадал в мой бак. Вскоре мой десятилитровый бачок был полон до краев. А ужасный вкус бензина во рту пропадал после первого глотка водки.

Всё это должно было происходить тайно, потому что частная торговля такого рода была в ГДР, разумеется, запрещена, как, впрочем, высмеивалась и осуждалась любая «тяга к наживе». Я быстро научился быть внимательным, вовремя замечать что-то подозрительное и прятаться в случае опасности. При этом меня это все совсем не волновало, наоборот, я проворачивал такие дела очень спокойно и расслабленно, как нечто само собой ра-

зумеющееся. Я совершенно не испытывал паники. У меня было внутреннее спокойствие, которое и в будущем помогало мне сравнительно хладнокровно справляться с необычными ситуациями.

Во время первых четырех семестров в университете всем студентам приходилось пройти курс допризывной военной подготовки, состоявший в основном из маршировки. Но строевая подготовка, с ее хождением в ногу, поворотами, стойкой «смирно» по приказу какого-то придурка — всё это было мне совсем не по душе. Во время моего обучения нашим «отделением» из десяти человек командовала одна студентка, которую предварительно в лагере за несколько недель обучили на инструктора. Потому она свои первые занятия воспринимала очень серьезно. Она муштровала нас изо всех сил, и с таким громким рычанием, что ее лицо сильно краснело — а с этим ее свойством я был знаком по совсем другому поводу. Кроме того, у нее очень учащалось дыхание. Для меня это был знак, чтобы заметно уменьшить свое рвение и начать делать все в медленном темпе. Я все рассчитал правильно. Сначала последовала специальная муштра третьей степени, а потом уже очень специфические индивидуальные занятия. Ну, вот тогда я полностью переходил к делу. Ее лицо заметно краснело, дыхание учащалось. Вышла ли из нее в будущем хорошая преподавательница, этого я не знаю, мы больше никогда не встречались.

Я в принципе ничего не имел против военного дела, но преподавать его нужно было умно и интересно. Тупо, с отключенным мозгом, повиноваться другим — это было мне противно и противоречило моей сущности. После допризывной подготовки желание сделать военную карьеру исчезло у меня раз и навсегда. Совсем иначе относился я к разведывательной деятельности, тем более, что она открывала возможность время от времени открывать окно в широкий мир. На втором курсе я вступил в СЕПГ, так как это было обязательным для успешной карьеры, и потому я не удивился, когда незадолго до окончания учебы на

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПУТЬ В РАЗВЕДКУ	6
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ОПЫТ.....	21
ПОПЫТКА КОНТАКТА С ДРУГОЙ СТОРОНОЙ	26
ПОВСЕДНЕВНАЯ ШИЗОФРЕНИЯ.....	37
СБЛИЖЕНИЕ С ЗАДНЕЙ МЫСЛЬЮ	49
НОВАЯ ПОПЫТКА: «ДИАНА».....	62
РЕШАЮЩИЙ КОНТАКТ С ХЕЛЬГОЙ	70
РАДИОКОНТАКТ И ТАЙНИК	80
КОНТРАРАЗВЕДКА НАЧИНАЕТ ПОИСК.....	85
ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПОЧТОЙ НА ЗАПАД.....	87
ПЕРЕДАЧА МАТЕРИАЛА ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	93
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ «ШАКАЛА» В ГДР	115
ПЕРЕХОД.....	124
ПРИБЫТИЕ В НОВЫЙ МИР	127
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ	135
ЭВАКУАЦИЯ ХЕЛЬГИ В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ	140
ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ ДЛЯ ГУР	146
МАРКУС ВОЛЬФ ПРИОБРЕТАЕТ ЛИЦО.....	175
«РАЗВЕДЧИКИ» КАК ГЕРОИ ДЕЛА СОЦИАЛИЗМА?	179
ОХОТА НА «ШАКАЛА».....	188
УПУЩЕННЫЙ ШАНС.....	200
С ЦРУ К НОВОЙ ЖИЗНИ.....	206
ВХОЖДЕНИЕ В МИР ФИНАНСОВ	217
НАЗАД В ГЕРМАНИЮ	225
ОСТОРОЖНЫЕ ШАГИ В ГДР	230
НОВЫЕ ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ.....	236
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЛА «ЛУКОНЫ».....	241
НОВЫЙ СТАРТ В БУДАПЕШТЕ	244
НЕКОТОРЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ.....	248
ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ (избранная)	253